

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
26 June 2023
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 1004/2020* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Б. Н. и др. (представленные адвокатами Набилом Буди и Эрве Темимом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Б. Н. и др.
<i>Государство-участник:</i>	Франция
<i>Дата сообщения:</i>	4 февраля 2020 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии со статьями 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 22 мая 2020 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	5 мая 2023 года
<i>Тема сообщения:</i>	репатриация граждан Франции, задержанных в Ираке
<i>Процедурный вопрос:</i>	экстерриториальная юрисдикция
<i>Вопросы существа:</i>	меры, препятствующие применению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 5 и 16

1.1 Заявителями являются Б. Н. (дата рождения — 15 июня 1986 года), Б. К. (дата рождения — 21 февраля 1987 года), Л. Л. (дата рождения — 13 апреля 1986 года), Ф. Т. А. (дата рождения — 29 марта 1986 года) и М. Д. (дата рождения — 17 января 1979 года). Все они граждане Франции, приговоренные иракскими властями к смертной казни за предполагаемое сотрудничество с ДАИШ. В настоящее время они содержатся в центральной тюрьме Багдада в ожидании казни. Заявители утверждают,

* Принято Комитетом на его семьдесят шестой сессии (17 апреля — 12 мая 2023 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клод Хеллер, Эрдоган Ишджан, Хуавэнь Лю, Наоко Маэда, Ана Раку, Абдерразак Руване и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии со статьей 109 правил процедуры Комитета, рассматриваемой в совокупности со статьей 15, и пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебских принципов) Себастьян Тузе не принимал участия в рассмотрении данного сообщения.

что французские власти отказались судить их, перевели их из Сирийской Арабской Республики в Ирак и отказались исполнять свои обязательства по предоставлению консульской защиты, тем самым не только допустив бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, но и позволив ему продолжаться. Таким образом, заявители считают, что их перемещение и отсутствие защиты представляет собой нарушение статей 3 и 5 Конвенции. Они трактуют статью 2 Конвенции как налагающую на государства-участники обязательство принимать необходимые меры для прекращения запрещенного Конвенцией обращения в отношении своих граждан. С учетом положений статьи 16 Конвенции это обязательство, по их мнению, распространяется и на акты жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которые не подпадают под определение пытки. Государство-участник сделало заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 22 Конвенции, 23 июня 1988 года. Заявители представлены адвокатами.

1.2 22 мая 2020 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой принять все доступные ему необходимые и разумные меры для защиты заявителей от физического и психологического воздействия и для предотвращения приведения в исполнение их смертного приговора. Комитет просил государство-участник незамедлительно информировать его о любых мерах, принятых с этой целью.

1.3 19 октября 2020 года государство-участник указало, что с момента заключения заявителей в тюрьму было организовано пять консульских посещений: 21 апреля 2019 года, 9 июня 2019 года, 24 июня 2019 года, 29 июля 2019 года и 17 декабря 2019 года. Посещения 9 и 24 июня 2019 года, состоявшиеся после вынесения обвинительного приговора, уложились в срок подачи апелляции, в течение которого французские власти обеспечили осужденным материальную возможность по своему желанию обжаловать приговор и обсудили с заявителями Б. К. и Ф. Т. А., которые не пожелали подавать апелляцию, причины их решения. В ходе этих консульских посещений была собрана информация о состоянии здоровья заявителей, получено согласие иракских властей на доступ заявителей к медицинскому работнику в период пребывания в тюрьме и уточнены другие сведения личного характера. Кроме того, французские власти, включая президента Французской Республики и министра иностранных дел и по делам Европы, напомнили иракским властям о своем неприятии смертной казни и обратились к ним с просьбой не приводить в исполнение вынесенные в отношении заявителей приговоры.

Факты в изложении заявителей

2.1 В январе 2019 года Б. Н., Л. Л., Ф. Т. А. и М. Д. были задержаны в Сирийской Арабской Республике. Что касается Б. К., то он сдался Сирийским демократическим силам по рекомендации Главного управления внешней безопасности Франции. Затем Сирийские демократические силы и Коалиционные силы переправили заявителей из Сирийской Арабской Республики в Ирак¹.

2.2 В период с 25 по 28 февраля 2019 года заявители не были освобождены, но были переданы иракским властям, а затем содержались в тюрьме Мутанна без доступа к адвокату или консульской помощи. Кроме того, по словам заявителей, государство-участник активно содействовало перемещению своих граждан из Сирийской Арабской Республики в Ирак. В период с 26 мая по 3 июня 2019 года по итогам ускоренного и несправедливого судебного разбирательства Центральный уголовный суд Ирака в Багдаде приговорил заявителей к смертной казни. В октябре 2019 года заявителей перевели в тюрьму строгого режима «Расафа», где содержатся как шиитские, так и суннитские заключенные, что значительно повышает уровень насилия внутри тюрьмы и ставит под угрозу жизнь заявителей².

¹ Mediapart, « Irak : Paris montre une inquiétante tolérance face aux condamnations à mort de ses ressortissants », 24 octobre 2019. См. также « En secret, le transfert des djihadistes de Syrie vers l'Irak a commencé », *Le Parisien*, 24 octobre 2019.

² Дополнительные подробности отсутствуют.

2.3 В январе 2020 года Б. Н. и Ф. Т. А. направили своим родственникам письмо с рассказом о бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания и непосредственной угрозе их жизни³. Они утверждали, что подвергаются постоянным словесным и физическим угрозам со стороны ополченцев, работающих в багдадской тюрьме «Расафа», в том числе словесным угрозам в связи с «договоренностью между Францией и Ираком». Кроме того, они сообщили о том, что иракские ополченцы получили указание убить французских граждан «как только представится возможность».

2.4 Во время допросов, переводов между тюрьмами и в стенах самих тюрем заявители подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Организация Human Rights Watch сообщает о применении таких методов пыток, как нанесение подозреваемым ударов по подошвам стоп и имитация утопления⁴. Такого рода пытки не оставляют долговременных следов на теле потерпевших⁵. В тюрьмах применяются физические и психологические пытки, вплоть до уничтожения заключенных, о чем сообщают Б. Н. и Ф. Т. А. в своем призыве о помощи.

2.5 Кроме того, по свидетельствам очевидцев, в каждой камере содержится около 70 заключенных, среди которых есть и шииты, и сунниты; такие бесчеловечные условия содержания привели к росту насилия в тюрьме. Ситуация резко ухудшилась после волны восстаний, в результате которых в тюрьму «Расафа» попало множество ополченцев. Заключенным разрешается выходить на улицу только раз в месяц примерно на десять минут. Кроме того, организация Human Rights Watch сообщила о наличии «документально подтвержденных случаев смерти в местах лишения свободы просто в результате переполненности тюрем»⁶. Общение с родственниками и адвокатами также весьма ограничено из-за стоимости звонка и последующего возможного сведения счетов.

2.6 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты заявители утверждают, что решение государства-участника о репатриации своих граждан, содержащихся на северо-востоке Сирийской Арабской Республики или в Ираке, согласно сложившейся судебной практике считается действием, которое не может быть отделено от внешних сношений Франции. Таким образом, это решение определяется как действия властей и не может быть обжаловано во французских судах, которые систематически заявляют об отсутствии у них юрисдикции в данной сфере⁷. Например, по делу о репатриации женщин и детей, задержанных на северо-востоке Сирийской Арабской Республики, Парижский административный суд уже вынес постановление о том, что государство не может быть привлечено к административной ответственности за решение, которое относится, скорее, к дипломатической сфере и может быть квалифицировано как действия властей. Это дает веские основания полагать, что решение о репатриации и предании суду задержанных в Ираке лиц также будет рассматриваться как вопрос дипломатического характера. В этой ситуации заявители сталкиваются с непреодолимым процедурным препятствием⁸.

2.7 Заявители обратились к президенту Французской Республики и в Министерство иностранных дел и по делам Европы с жалобой на бесчеловечные условия содержания французских граждан в Ираке и на вынесение им смертных приговоров. В письме от 8 августа 2019 года на имя президента Французской Республики Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях осудила бездействие правительства Франции, которому следовало принять меры для прекращения нарушений

³ Копия приложена к материалам дела.

⁴ Заявители не утверждают, что сами подвергались подобному обращению.

⁵ Human Rights Watch, « Irak : des français affirment avoir subi torture, coercition », 31 mai 2019.

⁶ « Irak : Human Rights Watch dénonce des conditions de détention “dégradantes” », *Le Figaro*, 4 juillet 2019.

⁷ Пояснение сложившейся судебной практики национальных судов см. в Conseil d'État, *Mégret et Mekhantar*, requêtes n°s 206303 et 206965, décision, 5 juillet 2000.

⁸ *Али против Туниса* (CAT/C/41/D/291/2006), п. 12.3.

международного права в отношении заявителей в Ираке. Однако эти жалобы до сих пор отклонялись или оставались без ответа.

2.8 17 октября 2019 года министр иностранных дел и по делам Европы Французской Республики встретился со своим иракским коллегой в Багдаде, чтобы достичь соглашения с местными властями о судьбе заключенных⁹. По итогам этой встречи Правительство Франции и Министерство иностранных дел и по делам Европы публично заявили о признании суверенитета Ирака и универсальной юрисдикции его судебной системы.

2.9 Наконец, 17 декабря 2019 года французский консул посетил багдадские тюрьмы, встретился с Ф. Т. А. и Б. Н., выслушал их рассказ о ежедневных пытках, унижениях и угрозах смерти, которым они подвергаются, и заявил, что ничего не может сделать.

Жалоба

3.1 По мнению заявителей, государство-участник позволило или, что еще хуже, распорядилось перевести своих граждан из Сирийской Арабской Республики в Ирак и тем самым серьезно нарушило положения статьи 3 Конвенции. Они утверждают, что, если государство-участник в состоянии организовать перемещение из Сирийской Арабской Республики в Ирак французских граждан, являющихся членами так называемой организации «Исламское государство», то оно должно быть в состоянии обеспечить их консульскую защиту и обеспечить их последующее перемещение из Ирака во Францию. Более того, государство-участник отказалось признать данный вопрос относящимся к своей юрисдикции, несмотря на то, что знает о бесчеловечных условиях, в которых находятся его граждане, и тем самым нарушило статью 5 Конвенции.

3.2 Заявители напоминают о том, что в соответствии со статьей 2 Конвенции государства-участники обязаны принимать эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Прежде всего, каждое государство-участник должно предпринять все необходимые действия, чтобы положить конец ситуации, составляющей нарушение Конвенции. В формулировке статьи 2 действительно содержится указание на территориальное ограничение в виде юрисдикции государства-участника. Однако толкование Конвенции, изложенное Комитетом в своем замечании общего порядка № 2 (2007), позволяет расширить понятие юрисдикции и считать, что государства-участники должны также принимать меры для предотвращения нарушений прав лиц, над которыми они осуществляют юрисдикцию, в частности персональную. Следовательно, статья 2 Конвенции должна трактоваться как налагающая на государство-участника обязательство принимать необходимые меры для прекращения запрещенного Конвенцией обращения в отношении своих граждан.

3.3 Кроме того, согласно статье 2 Конвенции государства-участники имеют позитивное обязательство всеми средствами предотвращать акты пыток. В сочетании с положениями статьи 16 Конвенции это обязательство распространяется на акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, которые не подпадают под определение пытки¹⁰, и требует от государств-участников устранить все юридические препятствия, которые могли бы подвергнуть человека риску обращения, запрещенного Конвенцией.

3.4 Отказав в репатриации французским гражданам, ставшим жертвами запрещенного Конвенцией обращения и подвергающихся явному риску применения пыток, государство-участник нарушает свои обязательства в рамках статей 2 и 3 Конвенции. Заявители обращаются в Комитет с просьбой срочно принять защитные меры и признать, что отказ в репатриации французских граждан, подвергшихся

⁹ « Le Drian à Bagdad pour discuter du sort des djihadistes français », *Le Parisien*, 17 octobre 2019.

¹⁰ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007), п. 3.

запрещенному Конвенцией обращению и риску применения пыток, является нарушением статей 2 и 3 Конвенции, вменяемым в вину французским властям.

3.5 Заявители отмечают два момента. С одной стороны, в 2019 году Ирак входил в пятерку стран, которые чаще всех применяли смертную казнь, — на их долю приходилось 78 процентов всех исполненных смертных приговоров в мире. С другой стороны, статья 73 Конституции Ирака не предусматривает никакого иного наказания за террористические акты, кроме смертной казни, а лицо, осужденное за террористическую деятельность, не может претендовать на помилование. Следовательно, государство-участник приняло участие в передаче своих граждан в страну, которая приговаривает лиц, совершивших террористические акты, к смертной казни, не предоставив им доступа к справедливому судебному разбирательству, или даже инициировало такую передачу. Признание государством-участником юрисдикции Ирака было подтверждено Министерством иностранных дел и по делам Европы.

3.6 В этих условиях заявители просят Комитет обязать государство-участник к принятию всех необходимых мер для прекращения этих нарушений, к обеспечению им консульской защиты и к предоставлению всех отчетов и других документов, связанных с консульскими посещениями.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 19 октября 2020 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы на основании отсутствия юрисдикции. Во-первых, государство-участник указывает на то, что соответствующие положения Конвенции сформулированы более ограничительно, чем в других международных конвенциях по правам человека — например, в статье 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции по правам человека) и в статье 2 Конвенции о правах ребенка, — в которых идет речь не о «территории», а только о лицах, находящихся под юрисдикцией соответствующего государства.

4.2 Государство-участник отмечает, что в статье 2 Конвенции говорится только о понятии юрисдикции, которое ни в коем случае не смешивается с понятием гражданства. Государства обязуются соблюдать права, закрепленные в международных документах по правам человека, в том числе в Конвенции, только в ситуациях, которые подпадают под их суверенитет и юрисдикцию и над которыми они могут осуществлять эффективный контроль. Вряд ли можно возлагать на государства ответственность в соответствии с международными документами по правам человека за ситуации, которые возникли не по их вине и над которыми они не властны, обвиняя их в действиях, совершенных другими государствами или негосударственными субъектами. Комитет должен принимать во внимание, с одной стороны, объем ответственности, который возлагали на себя государства, обязуясь принимать законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под их юрисдикцией, и, с другой стороны, неотделимость понятия юрисдикции от понятия эффективного контроля над ситуацией. Кроме того, нельзя искусственно расширять понятие юрисдикции и добавлять в Конвенцию такую сферу применения, которую государства не намеревались утверждать при ее ратификации.

4.3 Государство-участник отмечает, что в международном публичном праве понятие юрисдикции носит преимущественно территориальный характер и что юрисдикция государства может осуществляться за пределами его границ в соответствии с Конвенцией только в исключительных случаях, когда государство осуществляет эффективный контроль над лицом, находящимся на другой территории¹¹. Государство-участник отмечает, что таким образом Комитет признал

¹¹ Венская конвенция о праве международных договоров, ст. 29; Cour européenne des droits de l'homme, *Banković et autres c. Belgique et autres*, requête n° 52207/99, décision sur la recevabilité, 12 décembre 2001, par. 59 et suiv.; и Cour européenne des droits de l'homme, *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni*, requête n° 55721/07, arrêt, 7 juillet 2011, par. 138 et suiv. См. также Комитет

неприемлемыми *ratione personae* жалобы в отношении действий, совершенных за пределами территории государства-участника и представителями другого государства¹².

4.4 По словам государства-участника, в своем замечании общего порядка № 2 (2007) Комитет отмечает, что выражение «любая территория» включает все районы, где государство-участник прямо или косвенно, полностью или частично осуществляет де-юре или де-факто эффективный контроль в соответствии с международным правом¹³. Комитет также полагает, что понятие «территория» по смыслу статьи 2 должно также охватывать ситуации, когда государство-участник осуществляет прямо или косвенно, де-факто или де-юре контроль над лицами, содержащимися под стражей¹⁴, не устанавливая критериев для определения того, в каких случаях государство-участник осуществляет эффективный контроль над территорией или над лицами, содержащимися под стражей.

4.5 Государство-участник отмечает, что, по мнению Европейского суда по правам человека, эффективный контроль со стороны государства-участника может существовать ввиду контроля, осуществляемого над районом за пределами его территории либо напрямую, через свои вооруженные силы, либо косвенно, через подчиненную местную администрацию¹⁵. Кроме того, чтобы государство могло быть признано ответственным за нарушение прав человека, совершенное за пределами его территории, оно должно оказывать настолько решающее влияние на управление этим регионом, чтобы фактически иметь над ним эффективный контроль до такой степени, что без его поддержки местная администрация не могла бы функционировать¹⁶. Международный Суд Организации Объединенных Наций разработал аналогичную концепцию экстерриториальной юрисдикции на основе эффективного контроля¹⁷. Наконец, Межамериканская комиссия по правам человека отметила, что экстерриториальная юрисдикция может существовать в тех случаях, когда государство-участник осуществляет через своих должностных лиц полный и исключительный контроль над лицом, чьи права являются предметом разбирательства¹⁸.

4.6 По словам государства-участника, в свете данной судебной практики довод заявителей о том, что Конвенция обязывает государство-участник защищать своих граждан за пределами «территории, находящейся под его юрисдикцией», учитывая их французское гражданство, не соответствует ни букве, ни духу Конвенции. По словам государства-участника, принятое Комитетом замечание общего порядка № 2 (2007) не предусматривает никакого расширения сферы применения Конвенции на всех граждан государства-участника, но лишь содержит указание на ответственность государства за действия и проступки своих должностных лиц, с одной стороны, и на обязанность государств-участников принимать эффективные меры для предупреждения попыток не только на его суверенной территории, но и «на любой территории под его юрисдикцией» — с другой. Аналогичным образом, государство-

против попыток, замечание общего порядка № 2 (2007), п. 16; совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка, п. 12; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 (2004), п. 10.

¹² *З. против Австралии* (CAT/C/53/D/511/2012); *Агиза против Швеции* (CAT/C/34/D/233/2003); и *Ройтман Росенманн против Испании* (CAT/C/28/D/178/2000 и CAT/C/28/D/176/2000/Corr.1), п. 6.6.

¹³ Комитет против попыток, замечание общего порядка № 2 (2007), п. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Cour européenne des droits de l'homme, *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni*, par. 139.

¹⁶ Cour européenne des droits de l'homme, *Ilaşcu et autres c. Moldova et Russie*, requête n° 48787/99, arrêt, 8 juillet 2004, par. 392; и Cour européenne des droits de l'homme, *Mozer c. République de Moldova et Russie*, requête n° 11138/10, arrêt, 23 février 2016, par. 110.

¹⁷ Консультативное заключение Международного Суда относительно *правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории*, *C.I.Recueil 2004*, с. 136, пп. 109–112.

¹⁸ Commission interaméricaine des droits de l'homme, rapport n° 17/12, pétition P-900-08, *Djamel Ameziane c. États-Unis*, 20 mars 2012, par. 30.

участник отмечает, что понятие «юрисдикция», которое раскрывается в пункте 1 с) статьи 5 Конвенции, применяется в контексте наказания за преступления, перечисленные в статье 4 Конвенции, и предоставления жертве средства правовой защиты для получения возмещения, но не распространяет юрисдикцию государств-участников по смыслу статьи 2 Конвенции на всех их граждан, находящихся за пределами их территории или на территории, над которой они имеют эффективный контроль.

4.7 Таким образом, статья 5 Конвенции не дает заявителям оснований для вывода о том, что лицо находится под юрисдикцией государства-участника исключительно в силу гражданства этого государства, равно как и для вывода о том, что государства-участники обязаны принимать все меры для предупреждения пыток в отношении своих граждан, когда те не находятся под их эффективным контролем¹⁹.

4.8 В заключение следует отметить, что государство-участник не осуществляет никакого контроля или власти над заявителями через своих должностных лиц. Они были заключены под стражу в Ираке иракскими властями, а не французскими должностными лицами. Государство-участник подчеркивает, что ни предполагаемое согласие французских властей на перемещение заявителей из Сирийской Арабской Республики в Ирак, ни даже участие в этом процессе должностных лиц в составе коалиции не доказано заявителями, которые не представили никаких материалов или документов в подтверждение своих обвинений. Что касается письма Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, то в нем она лишь пересказывает заявления о том, что передача произошла по просьбе французских властей и частично осуществлялась французскими гражданами, без указания на источник таких сведений, и выражает обеспокоенность в связи этими заявлениями, не утверждая и не доказывая их достоверность. Следовательно, доказательства ходатайства французских органов власти о таком перемещении или их участия в нем отсутствуют; таким образом, утверждение заявителей о том, что они подпадают под юрисдикцию государства-участника в этом отношении, не находит подтверждения.

4.9 10 февраля 2021 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения. В отношении нарушения статьи 3 Конвенции в связи с предполагаемой причастностью государства-участника к перемещению заявителей с северо-востока Сирийской Арабской Республики в Ирак государство-участник утверждает, что заявители строят аргументацию на неподтвержденном обвинении, не обосновав свои утверждения и не представив никаких доказательств, а лишь сославшись на непроверяемые заявления лиц, присутствие которых во время перемещения не доказано.

4.10 В связи с жалобой на отказ французских органов власти от репатриации заявителей государство-участник напоминает, что в настоящее время заявители содержатся под стражей в Ираке — независимом суверенном государстве — в рамках уголовного разбирательства, возбужденного иракскими властями в соответствии с законодательством Ирака по факту преступлений, совершенных заявителями во время их поездки в иракско-сирийскую зону с целью присоединения к ДАИШ. Следует отметить, что ни Конвенция, ни публикации или соображения различных комитетов Организации Объединенных Наций не подразумевают позитивного обязательства государств-участников по репатриации своих граждан, которые могут подвергнуться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Ни Европейский суд по правам человека, ни Комитет по правам человека также не установили такого обязательства. Кроме того, на практике такое обязательство противоречило бы принципу суверенитета государств, в которых были совершены предполагаемые нарушения. Оно также выходило бы за рамки ответственности, которую государства согласились принять на себя, ратифицируя Конвенцию. Подобное обязательство также противоречило бы принятому Комитетом подходу, основанному на признании за государствами-участниками права по своему

¹⁹ По мнению государства-участника, заявители смешивают понятия персональной и экстерриториальной юрисдикции государства.

усмотрению оценивать фактические ситуации, в которых оказываются их граждане²⁰. Соответственно, статья 2 Конвенции не предусматривает обязательства государства-участника репатриировать заявителей.

4.11 В любом случае, если Комитет установит обязательство государства-участника репатриировать своих граждан, его можно понимать только как простое обязательство действия. В соответствии с принципами суверенитета и невмешательства государство-участник не может навязать властям Ирака свое решение о репатриации заявителей, не нарушив при этом основных принципов права и международных отношений. В таких условиях нельзя утверждать, что неспособность французских органов власти организовать репатриацию своих граждан, заключенных под стражу суверенными властями другого государства, является нарушением Конвенции.

4.12 В отношении жалобы на непредоставление своим гражданам защиты государство-участник подчеркивает, что регулирование положений о консульской защите не является ни целью, ни следствием Конвенции, поэтому данный вопрос не относится к компетенции Комитета. Тем не менее государство-участник утверждает, что в случае заявителей консульская защита была предоставлена в полном объеме.

4.13 На самом деле, сразу после получения информации о заключении заявителей под стражу сотрудники посольства Франции в Багдаде предприняли и продолжают предпринимать многочисленные шаги, позволяющие заявителям воспользоваться консульской защитой, как то: направление запросов на консульские посещения, запросов о состоянии здоровья заключенных, запросов об улучшении условий содержания и при необходимости — о смене камеры, запросов о возможности связаться с родственниками во Франции и с иракскими или французскими адвокатами. Что касается судебного разбирательства в отношении заявителей, то на всех слушаниях в качестве наблюдателя присутствовал представитель посольства Франции в Багдаде. Он отметил, что заявители пользовались услугами адвоката, ведущего их защиту. Кроме того, помимо письменного переводчика, предоставленного судебным органом, рассматривавшим дело и выносившим решение, посольство выделило устного переводчика, который осуществлял перевод во время слушаний, чтобы заявители могли правильно понять ход прений.

4.14 Наконец, государство-участник напоминает, что в 2019 году оно организовало пять консульских посещений и обратилось к властям Ирака с просьбой не приводить в исполнение вынесенные в отношении заявителей приговоры (см. п. 1.3). Кроме того, 7 января 2021 года состоялся первое очное посещение после закрытия иракских тюрем в 2020 году в связи с кризисом, вызванным пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19). В ходе этого посещения сотрудник консульской службы встретился с заявителями и потребовал предоставить им надлежащее медицинское обслуживание и выписать необходимые лекарственные препараты. Кроме того, посольство Франции в Багдаде обратилось к иракским властям с просьбой обеспечить организацию таких консульских посещений на регулярной основе в течение 2021 года.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 15 июня 2021 года Л. Л. оспаривает справедливость судебного разбирательства в отношении него в Ираке. Ему не было предоставлено никакой информации об обжаловании приговора: он не знает, подана ли апелляция и каковы сроки ее рассмотрения. Кроме того, адвокаты и члены его семьи не могут писать ему и регулярно общаться с ним по телефону, что является вопиющим нарушением надлежащей правовой процедуры и права на личную и семейную жизнь. Посещения также не допускаются.

5.2 В отношении приемлемости Л. Л. утверждает, что в случаях, когда какое-либо лицо должно быть передано государству или учреждению, которое, как известно, причастно к актам пыток или жестокого обращения или не обеспечило надлежащих гарантий, государство должно нести ответственность, а его должностные лица должны

²⁰ *Ройтман Росенманн против Испании*, п. 6.7.

быть наказаны за приказ или разрешение осуществить передачу или за участие в ней. Каждое из этих трех действий само по себе является нарушением обязательства государства-участника принимать эффективные меры по предупреждению актов пыток в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Конвенции.

5.3 Прежде всего, передача Л. Л. из Сирийской Арабской Республики в Ирак была либо напрямую инициирована, либо косвенно санкционирована государством-участником. Заявитель находился на территории Сирийской Арабской Республики под контролем Сирийских демократических сил и сил международной коалиции, включающей представителей Франции и Соединенных Штатов Америки, которые приняли решение о его передаче в соседнюю страну и осуществили перемещение. Очевидно, что, поскольку речь шла о гражданах Франции, перед их передачей было получено соответствующее распоряжение или по крайней мере согласие французских властей. Это единственный возможный вариант, даже если государство-участник пытается его оспорить, не представив ни малейших доказательств, которые могли бы убедить кого бы то ни было в его непричастности к принятию данного решения. У заявителя нет и не может быть никаких «доказательств» или «документов», свидетельствующих о том, что его передача была инициирована или по крайней мере санкционирована французскими властями, однако об этом говорится в статьях, опубликованных в средствах массовой информации и представленных в поддержку заявления, а также в различных докладах, в частности в докладе Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях²¹. Комитет должен будет принять во внимание факт передачи заявителей в другую страну по просьбе французских властей, которые неоднократно высказывали мнение о том, что заявителей следует судить в Ираке. Наконец, государство-участник не получило и не добивалось каких-либо гарантий того, что вынесенный смертный приговор не будет приведен в исполнение.

5.4 По поводу существа сообщения Л. Л. считает, что, несмотря на утверждения государства-участника, его передача в государство, практикующее смертную казнь и пытки, противоречит принципу невыдворения, предусмотренному статьей 3 Конвенции. Из-за этой передачи, инициированной, осуществленной или по крайней мере санкционированной государством-участником, по итогам несправедливого судебного разбирательства заявителю был вынесен смертный приговор. Прикрываясь заявлениями о суверенитете иракского государства, государство-участник воздерживается от малейшей критики судопроизводства в Ираке, однако следует помнить о том, что осуждению заявителя предшествовало необычайно короткое слушание, продолжавшееся всего несколько минут. Несмотря на утверждение о том, что на суде над заявителем присутствовали представители консульского учреждения в Ираке, государство-участник не может изложить обстоятельства судебного разбирательства. По итогам разбирательства не была предоставлена ни копия решения, ни даже протокол судебного заседания. Все наблюдатели, присутствовавшие на судебных разбирательствах в отношении европейских граждан, представших перед судом в Ираке, отмечали отсутствие какого-либо предварительного следствия и серьезное нарушение самых основных принципов права на справедливое судебное разбирательство.

5.5 Очевидно, что в Ираке не соблюдается и основной принцип индивидуализации наказаний, поскольку смертная казнь является единственной мерой наказания, предусмотренной иракской системой правосудия за участие в деятельности террористической организации. Также возникает вопрос о доступе к переводчику, праве на помощь адвоката и возможности доступа заявителя к документам, находящимся в материалах дела. Заявитель не смог воспользоваться консульской защитой, на которую он имел право во время судебного разбирательства, что привело к вынесению бесчеловечного приговора. На самом деле, государство-участник не оспаривает ни бесчеловечный характер смертных приговоров, вынесенных

²¹ Он ссылается на свидетельство заявителя Б. К., находившегося в числе 11 французских граждан, которых перевозили с завязанными глазами, и сообщившего, что там были французы, поскольку «были слышны их разговоры» — см. *Revue XXI*, n° 52 (2020), « La France nous a abandonnés ».

заявителям в дополнение к бесчеловечному, жестокому и унижающему достоинство обращению, которому подвергся Л. Л., ни их жалобы на применение пыток. Кроме того, адвокаты Л. Л. никак не могут получить ответа на свои ходатайства, поданные в консульские службы Франции и Ирака. Призывы и письменные заявления остаются без ответа. Таким образом, у них нет ни тюремного номера Л. Л., ни информации, позволяющей отправить ему письмо без содействия французских консульских служб. Родственники не могли связаться с ним по почте в течение нескольких месяцев. С момента перевода Л. Л. в тюрьму «Расафа» консульские службы Франции не обеспечили связь между ним и его семьей. Ни у кого нет доступа ни к каким записям о консульских посещениях, которые якобы были ему нанесены, ни к какой-либо информации, которая якобы была получена французскими консульскими службами в ходе рассмотрения его дела в порядке ускоренного судопроизводства в мае 2019 года.

5.6 В своих комментариях от 16 июня 2021 года Б. Н., Б. К., Ф. Т. А. и М. Д. заявляют, что, по их мнению, в силу пункта 1 статьи 3 Конвенции государства-участники имеют позитивное обязательство по репатриации жертв пыток. Обращаясь к судебной практике Европейского суда по правам человека, они напоминают, что понятие юрисдикции не ограничивается национальной территорией, и утверждают, что государство осуществляет юрисдикцию в том случае, когда решение, принятое его должностными лицами на национальной территории, влияет на правовое положение лиц, находящихся за пределами этой территории²². Они также ссылаются на решение ЕСПЧ по делу *М. Н. и другие против Бельгии*, в котором Большая палата указала, что для вынесения заключения об осуществлении Бельгией экстерриториальной юрисдикции в отношении заявителей «необходимо прежде всего прояснить вопрос факта, требующий изучения характера связи между заявителями и государством-ответчиком и определения того, действительно ли государство-ответчик осуществляло свою власть или контроль над ними»²³.

5.7 Учитывая, что заявители являются гражданами Франции, связь де-юре между государством-участником и заявителями, несомненно, установлена. Далее, в отношении пыток государство-участник имеет усиленное обязательство действия, цель которого состоит в том, чтобы любой ценой предотвратить применение к своим гражданам пыток или жестокого обращения. Однако в данном случае это обязательство не было исполнено, поскольку государство-участник имело возможность осуществить юрисдикцию в отношении своих граждан, находящихся за рубежом, посредством действий дипломатических или консульских служб, чтобы предотвратить применение к ним пыток или жестокого обращения, но не приняло соответствующих мер. Таким образом, отказ государства-участника от осуществления своей юрисдикции является бездействием, но при этом равносителен действию, предпринятому органами государства и имеющему силу за пределами его территории, в данном случае в Ираке. С точки зрения заявителей, государство-участник действительно имело возможность осуществлять над ними контроль, который оно использовало для предотвращения их репатриации. В заключение следует отметить, что ввиду соблюдения обоих критериев юрисдикции экстерриториальную юрисдикцию государства-участника можно считать установленной.

5.8 В отношении обоснованности заявления Б. Н., Б. К., Ф. Т. А. и М. Д. напоминают, что суверенитет государства-участника априори может быть ограничен им самим. Следовательно, Ирак может принять дипломатические запросы Франции о репатриации джихадистов, чтобы их можно было судить на французской территории, и в этом случае их передача не будет являться нарушением иракского суверенитета.

5.9 Что касается нарушения статьи 3 Конвенции, то из прямого запрета экстрадиции заявители сделали вывод о подразумеваемом обязательстве государства-участника по репатриации своих граждан. Такое решение уже закреплено в судебной

²² Cour européenne des droits de l'homme, *Drozd et Janousek c. France et Espagne*, requête n° 12747/87, arrêt, 26 juin 1992.

²³ *M. N. et autres c. Belgique*, requête n° 3599/18, décision, 5 mars 2020, par. 113.

практике. Гражданский суд Брюсселя для франкоговорящих граждан, вынося решение в качестве международного, а не национального суда, заявил в отношении статуса человека, уехавшего вести джихад, что «бельгийское государство *prima facie* обязано его репатриировать»²⁴. По мнению заявителей, это решение соответствует духу Конвенции.

5.10 Наконец, Б. Н., Б. К., Ф. Т. А. и М. Д. указывают на применение к ним пыток и жестокого обращения как на основание для вывода о нарушении государством-участником статьи 3 Конвенции ввиду отклонения их просьбы о репатриации, несмотря на то, что они подверглись пыткам и жестокому обращению. Кроме того, государство-участник ни разу не пыталось осуществить юрисдикцию над своими собственными гражданами в Ираке через действия должностных лиц по дипломатическим или консульским каналам. Так, государство-участник не использовало все необходимые средства для предотвращения действий, от которых пострадали его граждане в Ираке, несмотря на наличие у него усиленного обязательства действия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в каком-либо сообщении, Комитет должен определить, является ли она приемлемой согласно статье 22 Конвенции. Согласно требованиям пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет принимает к сведению, что государство-участник оспаривает приемлемость настоящего сообщения, поскольку его юрисдикция не распространяется на заявителей, задержанных в Ираке. Государство-участник утверждает, что не осуществляет никакого контроля или власти над заявителями через своих должностных лиц. Заявители были заключены под стражу в Ираке иракскими властями, а не французскими должностными лицами. Кроме того, государство-участник оспаривает наличие у него обязательства в силу Конвенции защищать своих граждан исключительно на основании их гражданства, даже за пределами территории, которая находится под его юрисдикцией. Наконец, государство-участник подчеркивает, что ни предполагаемое согласие французских властей на перемещение заявителей из Сирийской Арабской Республики в Ирак, ни даже участие в этом процессе должностных лиц в составе Коалиционных сил не доказано заявителями, которые не представили никаких материалов или документов в подтверждение своих обвинений. В то же время Комитет принимает к сведению настоятельные уверения заявителей в том, что государство-участник было задействовано в их перемещении из Сирийской Арабской Республики в Ирак.

6.3 Комитет напоминает, что во исполнение статьи 22 Конвенции он получает и рассматривает сообщения находящихся под его юрисдикцией лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции, или сообщения такого рода, поступающие от их имени, в отношении любого государства-участника, которое заявило, что оно признает компетенцию Комитета в этой связи²⁵.

6.4 В данном случае Комитет отмечает, что для определения соответствия жалоб Конвенции необходимо установить, находятся ли заявители на территории, над которой государство-участник де-юре или де-факто осуществляет эффективный контроль. В этом отношении Комитет отмечает, что на данный момент заявители содержатся в местах, которые находятся не под юрисдикцией государства-участника, а под юрисдикцией иракского государства. В отношении утверждений заявителей

²⁴ Гражданский суд Брюсселя для франкоговорящих граждан (Палата по единолично принимаемым решениям), 30 октября 2019 года (дополнительные подробности отсутствуют).

²⁵ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4 (2017), п. 6.

о том, что государство-участник являлось инициатором или участником их перемещения из Сирийской Арабской Республики в Ирак, где они, по их словам, подверглись запрещенному Конвенцией обращению, Комитет отмечает, что заявители не представили никаких конкретных доказательств в поддержку своего утверждения о том, что государство-участник санкционировало предполагаемую передачу заявителей иракским властям²⁶. Осознавая, что представить существенные доказательства такой передачи было бы затруднительно, Комитет тем не менее не может руководствоваться домыслами по поводу роли государства-участника в этом перемещении. Задача Комитета состоит не в том, чтобы строить предположения на основе полученных фактов, а в том, чтобы рассматривать полученные сообщения в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

7. С учетом вышесказанного Комитет приходит к выводу о том, что жалобы заявителей не подпадают под действие Конвенции.

8. Следовательно, Комитет принимает решения:

а) о неприемлемости сообщения в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции;

б) о препровождении настоящего решения государству-участнику и заявителям.

²⁶ *X. против Франции* (CAT/C/73/D/933/2019), п. 7.6.